

Литература

- Bruner, A., & Revuski, S. (1961). Collateral behavior in humans. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*, 4, 349–350.
- Buhrmann, H., & Zaugg, M. (1981). Superstitions among basketball players: An investigation of various forms of superstitious beliefs and behavior among competitive basketball players at the junior high school to university level. *Journal of Sport Behavior*, 4, 163–174.
- Dixon, M., & Haves, L. (1999). A behavioral analysis of dreams. *Psychological Record*, 49(4:), 613–627.
- Kimball, J., & Heward, W. (1993). A synthesis of contemplation, prediction, and control. *American Psychologist*, 48, 587–588.
- Malm, L. (1993). The eclipse of meaning in cognitive psychology: Implications for humanistic psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 33, 67–87.
- Morris, E. (1997, September). Personal communication with Professor Edward K. Morris, Human Development and Family Life, the University of Kansas.
- Rogers, C. R. (1964). Toward a science of the person. In F. W. Wann (Ed.), *Behaviorism and phenomenology: Contrasting bases for modern psychology*. Chicago: Phoenix Books.
- Sagvolden, T., Aase, H., Zeiner, P., & Berger, D. (1998). Altered reinforcement mechanisms in Attention-deficit/hyperactivity disorder. *Behavioral Brain Research*, 94(1), 61–71.
- Schneider, S., & Morris, E. (1987). The history of the term radical behaviorism: From Watson to Skinner. *Behavior Analyst*, 10(1), 27–39.
- Skinner, B. F. (1974). *About behaviorism*. New York: Knopf.

Наблюдать агрессию... совершать агрессию

Базовые материалы:

Bandura A., Ross, D. & Ross S. A. (1961). Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 63, 575–582.

Агрессия, во всем многообразии ее форм, бесспорно, является величайшей социальной проблемой как в нашей стране, так и во всем мире. Поэтому она занимает одно из центральных мест в психологических исследованиях. В течение многих лет на переднем крае этих исследований находились социальные психологи, главные интересы которых фокусировались на взаимодействии людей. Одной из целей социальных психологов было само определение агрессии. На первый взгляд это может показаться относительно несложной задачей, но на самом деле дать адек-

ватное определение агрессии далеко не так просто. Например, какие из следующих примеров вы могли бы назвать агрессивным поведением: Бой боксеров на ринге? Кошка убивает мышь? Солдат стреляет в своего врага? Вы ставите крысоловку в своем подвале? Бой быков? Перечень примеров, которые подходят или не подходят под определение агрессии, можно продолжать и продолжать. В результате, если бы вы обратились за консультацией к десяти социальным психологам, вы, вероятно, получили бы десять разных определений агрессии.

Многие исследователи от попыток согласовать определения агрессии перешли к решению более важной задачи — выявлению истоков человеческой агрессии. Вопрос, ответ на который нужно было искать, звучит так: «Почему люди совершают агрессивные действия?» В ходе становления психологической науки разрабатывались разные подходы к объяснению причин агрессии. Некоторые исследователи утверждали, что мы биологически запрограммированы на агрессию таким образом, что с течением времени накапливается энергия агрессивного побуждения, которая требует разрядки. Другие ученые главными детерминантами агрессивных реакций считали ситуационные факторы, такие как повторяющаяся фрустрация. Еще один подход — возможно, наиболее широко признаваемый — состоит в том, что агрессия считается продуктом научения.

В одном из самых знаменитых и оказавших большое влияние на развитие психологии экспериментов продемонстрировано, как дети учатся быть агрессивными. Это исследование было проведено в 1961 году в Стэнфордском университете Альбертом Бандурой и его коллегами Дороти и Шейлой Росс. Бандура считается одним из создателей психологического направления — так называемой «теории социального научения». Теоретики социального научения считают, что научение является главным фактором развития личности и что оно реализуется в процессе взаимодействий с другими людьми. Например, при взаимодействии подрастающего ребенка с его социальным окружением важные для него люди, такие как родители и учителя, вознаграждают определенные формы поведения и игнорируют или наказывают за другие. Бандура, однако, считал, что помимо влияния непосредственных вознаграждений и наказаний поведение существенным образом может формироваться посредством простого наблюдения и имитации (или моделирования) поведения других людей.

Как вы можете видеть из названия статьи, представленного в качестве подзаголовка, Бандура и его коллеги сумели продемонстрировать этот моделирующий эффект применительно к феномену агрессии. Это исследование получило широкую известность в психологии как «эксперимент с куклой Бобо» по причинам, которые будут ясны чуть далее.

Статья начинается с упоминания более раннего исследования, в котором было показано, что дети с готовностью подражают поведению взрослых моделей, находясь в их присутствии. Один из вопросов, который Бандура хотел выяснить в новом исследовании, — будет ли такое имитационное научение распространяться и на другие ситуации, в которых модель не присутствует.

Теоретические основания

Исследование было организовано таким образом, чтобы дети могли наблюдать взрослую модель — человека, который вел себя агрессивно или неагрессивно. Затем предполагалось протестировать детей в новой ситуации без присутствия модели с тем, чтобы определить, в какой степени дети будут имитировать агрессивные действия взрослого, которые они наблюдали раньше. Исходя из сути эксперимента, Бандура и его сотрудники сделали четыре предположения.

1. Дети, наблюдавшие совершение взрослым агрессивных действий, будут имитировать поведение взрослого и совершать аналогичные агрессивные действия даже при отсутствии модели.

2. Дети, которые наблюдали неагрессивную модель, не только будут менее агрессивными, чем те, которые наблюдали агрессию, но также и значительно менее агрессивными по сравнению с детьми из контрольной группы, которые не наблюдали ни за какой моделью. Другими словами, неагрессивная модель будет оказывать подавляющее агрессивию влияние.

3. Поскольку дети склонны идентифицироваться с родителями и другими взрослыми того же, что и они, пола, испытуемые будут «имитировать поведение модели того же, что и они, пола в большей степени, нежели поведение модели противоположного пола» (с. 575).

4. «Поскольку агрессия — типично маскулинный способ поведения в нашем обществе, мальчики по сравнению с девочками должны быть более предрасположены к имитированию агрессии, причем различие должно быть более выраженным в том случае, когда в качестве модели выступает мужчина» (с. 575).

Метод

Использованные в эксперименте методы описаны в статье исключительно ясно и четко. Здесь представлены, хотя обобщенно и упрощенно, основные методологические шаги этого исследования.

Испытуемые

Исследователи воспользовались поддержкой директора и старшего преподавателя детского учебно-воспитательного заведения при Стэнфордском университете, чтобы получить маленьких испытуемых для своего

исследования. В качестве участников эксперимента, таким образом, выступили 36 мальчиков и 36 девочек в возрасте от 3 до 6 лет. Средний возраст составил 4 года и 4 месяца.

Условия эксперимента

Одна треть участников эксперимента была включена в контрольную группу, т. е. группу испытуемых, которые не будут наблюдать никакой взрослой модели. Остальные 48 испытуемых были разделены на две группы: одна из них — те, что будут наблюдать агрессивную модель; другую составили дети, которые будут наблюдать неагрессивного взрослого. Каждая из этих групп далее разделяется на мужскую и женскую. Наконец, каждая из этих групп вновь разделяется: половина из участников будет наблюдать модель того же, что и у них, пола, а половина — модель противоположного пола. Таким образом, получилось восемь экспериментальных групп и одна — контрольная. У вас может возникнуть вопрос: «А что если дети в какой-либо из групп еще до эксперимента были более агрессивными, чем другие дети?». Бандура устранил это сомнение, определив предварительно уровень агрессивности каждого испытуемого. Экспериментатор и учитель (оба они хорошо знали этих детей) оценивали физическую агрессивность, вербальную агрессивность и агрессивность по отношению к предметам. Эти оценки позволили исследователям уравнивать группы по их среднему уровню агрессивности.

Экспериментальная процедура

Каждый ребенок индивидуально проходил через различные экспериментальные процедуры. Сначала экспериментатор приводил ребенка в игровую комнату. По дороге они встречали взрослого человека (модель), которого экспериментатор приглашал пойти вместе с ними и *поучаствовать в игре*. Ребенка усаживали за стол в углу комнаты, где было много интересных игрушек и можно было играть во всякие занимательные игры. Там были вырезанные из картошки клише, яркие картинки с изображениями животных и цветов, которые можно было наклеивать. (То был 1961 год, так что для тех, кто вырос в наше высокотехнологичное время, поясняем: клише из картошки — это разрезанная пополам картофелина, на которой вырезается какая-либо рельефная картинка таким образом, что, подобно резиновому штампу, смочив ее чернилами, можно воспроизводить геометрические формы.) Взрослый человек (модель) сидел к столу, расположенному в другом углу, где находились сборные механические игрушки, молоток и надувная кукла Бобо около полутора метров ростом. Экспериментатор объяснял, что эти игрушки принадлежат остающемуся здесь взрослому, и покидал комнату.

При обоих вариантах условий (с агрессивной и неагрессивной моделью) взрослый начинал собирать игрушки. В первом варианте (с агрессивной моделью) через минуту-другую взрослый прекращал это занятие и начинал с яростью нападать на куклу Бобо. Для всех испытуемых этой группы последовательность совершаемых агрессивных действий была идентичной:

«Взрослый (модель) ронял куклу на пол, садился на нее, много раз щипал ее за нос. Затем он поднимал куклу, хватал молоток и бил ее молотком по голове. Затем он с выражением ярости подбрасывал куклу в воздух и пинками гонял ее по комнате. Последовательность физических агрессивных действий повторялась троекратно, перемежаясь вербальными выражениями агрессии, такими как: “Дай ему в нос... Врежь ему как следует... Двинь ему хорошенько... Пни его...” и двумя неагрессивными комментариями типа: “Он, конечно, крепкий парень”» (с. 576).

Все это продолжалось около 10 минут, после чего экспериментатор возвращался, прощался со взрослым и отводил ребенка в другую комнату.

В комнате с неагрессивной моделью взрослый (модель) просто спокойно играл в течение 10 минут со сборными машинками и совершенно игнорировал куклу Бобо. Бандура и его коллеги позаботились о том, чтобы все экспериментальные факторы были идентичными для испытуемых, за исключением факторов, подлежащих исследованию: агрессивная или неагрессивная модель и пол модели.

Возбуждение гнева или фрустрация

По окончании 10-минутного периода игры каждого ребенка вводили в другую комнату, в которой было много занимательных игрушек, таких как пожарные машины, реактивные истребители, полный набор кукол вместе с гардеробом, карета для кукол и т. д. Исследователи полагали, что для того чтобы определить агрессивные реакции испытуемых, их необходимо несколько рассердить, или фрустрировать; это должно было повысить вероятность агрессивного поведения. С этой целью детям сначала разрешили играть с интересными игрушками, но вскоре после начала игры сказали, что игрушки в этой комнате предназначены другим детям. Им также сказали, что они могут играть с другими игрушками в соседней комнате.

Тест на воспроизведение агрессивной модели

В последней экспериментальной комнате находились «агрессивные» и «неагрессивные» игрушки. Среди «агрессивных» игрушек были кукла

Бобо (разумеется!), молоток, два арбалета и воздушный шарик с нарисованной на нем физиономией.

Неагрессивные игрушки включали чайный сервиз, карандаши и бумагу, мяч, две куклы, легковые автомобили и грузовики и пластиковых домашних животных. Каждому ребенку было позволено играть в этой комнате в течение 20 минут. В течение этого периода экспериментаторы наблюдали за испытуемыми через одностороннее зеркало, оценивая поведение каждого ребенка по нескольким показателям агрессии.

Измерение агрессии

Всего измерялось восемь различных видов реакций испытуемых. В интересах ясности изложения приведем здесь описание лишь четырех наиболее показательных способов реагирования. Во-первых, фиксировались действия испытуемых, имитирующие физическую агрессию модели. Сюда входили такие действия, как: ребенок садится на куклу, щиплет ее за нос, бьет ее молотком, пинает куклу, подбрасывает ее в воздух. Во-вторых, оценивалось подражание вербальной агрессии модели посредством подсчета повторения испытуемым таких фраз, как «Дай ему хорошенько, пни его, врежь ему» и т. п. В-третьих, фиксировались агрессивные действия, направленные на другие предметы (нанесение ударов молотком по разным предметам, помимо куклы). В-четвертых, фиксировалась неимитированная агрессия, т. е. документируются все те акты физической и вербальной агрессии, которые не совершались моделью.

Результаты

Полученные в исследовании данные представлены в табл. 2 (со с. 579 базовой статьи). Если вы внимательно посмотрите на эти результаты, то убедитесь, что три из четырех гипотез, сформулированных авторами, подтвердились.

Дети, имевшие возможность наблюдать поведение агрессивной модели, проявляли тенденцию имитировать это поведение. В среднем было зафиксировано 38,2 случая имитированной физической агрессии у мальчиков и 12,7 — у девочек. Помимо того, наблюдалась имитация вербального агрессивного поведения: в среднем 17 случаев у мальчиков и 15,7 — у девочек. Подобных актов физической и вербальной агрессии фактически не наблюдалось ни в группе, имевшей дело с неагрессивной моделью, ни в контрольной группе детей, которые вообще не наблюдали никакой модели.

Как вы помните, Бандура и его коллеги предсказывали, что неагрессивные модели будут оказывать на детей сдерживающее агрессию влияние. Для подтверждения этой гипотезы данные исследования должны были бы показать, что дети из группы с неагрессивной моделью прояви-

ли в среднем значительно меньше агрессии, чем дети из контрольной группы (группы без всякой модели). В табл. 2 вы можете сравнить колонки цифр, относящихся к группе с неагрессивной моделью, с колонкой цифр, полученных в контрольной группе. Результаты оказались неоднозначными.

Таблица 2

Среднее число агрессивных реакций детей в различных группах

Вид агрессии	Вид модели				Контроль- ная группа
	Агрессивная модель (мужчина)	Неагрессивная модель (мужчина)	Агрессивная модель (женщина)	Неагрессивная модель (женщина)	
Имитационная физическая агрессия					
мальчики	25,8	1,5	12,4	0,2	1,2
девочки	7,2	0,0	5,5	2,5	2,0
Имитационная вербальная агрессия					
мальчики	12,7	0,0	4,3	1,1	1,7
девочки	2,0	0,0	13,7	0,3	0,7
Агрессия, направленная на предметы					
мальчики	28,8	6,7	15,5	18,7	13,5
девочки	18,7	0,5	17,2	0,5	13,1
Неимитационная агрессия					
мальчики	36,7	22,3	16,2	26,1	24,6
девочки	8,4	1,4	21,3	7,2	6,1

Например, мальчики и девочки из группы с неагрессивной моделью (мужчиной) проявили значительно меньше неимитированной агрессии по отношению к предметам, чем дети из контрольной группы, но мальчики из группы с неагрессивной моделью-женщиной совершили больше агрессивных действий по отношению к предметам, чем мальчики из контрольной группы. Авторы признают, что эти результаты настолько

неопределенны в отношении сдерживающего агрессию влияния неагрессивной модели, что они не позволяют делать какое-либо заключение.

Однако предсказанные авторами гендерные различия, как видно из табл. 2, получили надежное подтверждение. Ясно видно, что на агрессивное поведение мальчиков большее влияние оказало агрессивное поведение модели-мужчины, чем поведение модели-женщины. Среднее число агрессивных действий у мальчиков составило 104, когда они имели возможность наблюдать агрессивное поведение мужчины, и лишь 48,4, когда в качестве модели выступала женщина. С другой стороны, у девочек из группы с агрессивной моделью-женщиной среднее число агрессивных действий составило 57,7, в то время как это число у девочек, наблюдавших агрессивное поведение модели-мужчины, равнялось 36,3. Авторы отмечают, что в группах с агрессивной моделью того же пола, что и испытуемые, девочки были более склонны имитировать вербальное агрессивное поведение, в то время как мальчики больше имитировали физическую агрессию.

И наконец, почти при всех условиях мальчики были значительно более склонны к физической агрессии, чем девочки.

Если суммировать, по табл. 2, отдельно все проявления агрессии у мальчиков и у девочек, то у первых суммарное число будет равняться 270, в то время как у вторых — 128,3.

Обсуждение

Бандура и его коллеги утверждали, что они продемонстрировали, как специфические виды поведения — в данном случае агрессивное — могут сформироваться посредством наблюдения и подражания, без всякого подкрепления. Они пришли к выводу, что из наблюдаемого поведения взрослого человека ребенок извлекает для себя информацию о том, что подобное поведение позволительно, вследствие чего у него ослабляется сдерживание агрессивного поведения. Следствием наблюдаемой агрессии, по их утверждению, является то, что ребенок в дальнейшем с большей вероятностью будет реагировать на фрустрации агрессивными действиями.

Исследователи заинтересовались также, почему влияние мужской агрессивной модели на мальчиков было значительно большим, по сравнению с влиянием женской агрессивной модели на девочек. Они объяснили это тем, что в нашей культуре, как и в большинстве других культур, агрессия считается более характерной для мужчин, нежели для женщин. Другими словами, это типично маскулинный тип поведения. Таким образом «мужское» моделирование агрессии подкрепляется фактором социальной приемлемости и, следовательно, оказывает более сильное влияние на наблюдателей.

Последующие исследования

В то время когда проводился этот эксперимент, авторы, вероятно, не представляли себе, сколь значительным будет его влияние. В начале 1960-х годов телевидение стало мощной силой в американской культуре, и все большую обеспокоенность общественности вызывало влияние на детей представляемых телевидением образцов насилия. Эта проблема породила и продолжает порождать жаркие дебаты. За последние 30 лет в Конгрессе было проведено не менее трех слушаний по проблеме демонстрации насилия на телеэкранах, а работы Бандуры и других психологов были включены в программу этих исследований.

Те же авторы двумя годами позже провели другое исследование с целью определения влияния уже не реальных людей, но агрессивных моделей, демонстрируемых на киноэкранах. Используя ту же самую экспериментальную методику, включающую агрессию по отношению к кукле Бобо, А. Бандура, Д. Росс и Ш. Росс провели исследование, задачей которого было сравнить влияние живой, реальной модели с влиянием аналогичной модели, демонстрируемой с киноэкрана, и модели в мультипликационном варианте. Результаты показали, что влияние живой модели было сильнее влияния телевизионной модели, которое, в свою очередь, оказалось более сильным сравнительно с моделью в мультипликационном варианте. Однако все три агрессивные модели продуцировали у детей значительно более агрессивное поведение, по сравнению с поведением детей, которые наблюдали неагрессивную модель, и поведением детей контрольной группы (Bandura, Ross and Ross, 1963).

Больше оптимизма внушают полученные Бандурой в одной из последующих работ данные, свидетельствующие, что эффект моделируемой агрессии при определенных условиях может быть изменен. Вы помните, что в своем первоначальном исследовании ни модели, ни испытуемые за свое агрессивное поведение не получали никакого вознаграждения. Как вы думаете, что произойдет, если модель, совершающая агрессивные действия, будет получать вознаграждения или подвергаться за это наказанию и дети будут это видеть? Бандура (1965) проверил эту идею и выяснил, что дети имитировали агрессивное поведение модели в большей степени, когда видели, что модель за свою агрессию получает вознаграждение, но значительно меньше, когда модель за свое агрессивное поведение подвергалась наказанию.

Критики исследований Бандуры, посвященных агрессии, указывали, что совершать агрессивные действия в отношении надувной куклы — это не то же самое, что нападать на реального живого человека, и что дети понимали разницу. Принимая за основу исследования Бандуры и его коллег, другие исследователи изучали влияние моделированного насилия на реальную агрессию. В одном из исследований авторы, также

воспользовавшись методом Бандуры (с использованием надувной куклы) (Hanratty, O'Neil & Sulzer, 1972), провели эксперимент, в котором дети наблюдали агрессивное поведение модели, а затем были подвергнуты довольно сильной фрустрации. Будучи фрустрированными, они часто вели себя агрессивно по отношению к реальному человеку (одетому подобно клоуну), вне зависимости от того, являлся ли он источником фрустрации.

Современные разработки

Исследование Бандуры, обсуждавшееся в этой главе, внесло, по крайней мере, двойной вклад в психологию. Во-первых, оно ярко продемонстрировало, как дети могут усваивать новые виды поведения, просто наблюдая поведение взрослых, даже и в том случае, когда эти взрослые физически не присутствуют. Теоретики социального научения считают, что многие, если не большинство видов поведения, которые формируют личность человека, усваиваются посредством процесса моделирования. Во-вторых, это исследование заложило основы для сотен других работ, проведенных за четыре последующих десятилетия, в которых изучалось влияние на детей агрессивного поведения реальных людей или поведения, демонстрируемого на теле- и киноэкранах. (Обзор многих работ Бандуры, внесших вклад в психологию, см.: <http://www.ship.edu/~cgboeree/bandura.html>, 1998.)

В последние несколько лет неоднократно проводились слушания в Конгрессе по проблеме насилия, демонстрируемого в средствах массовой коммуникации, того глубокого потенциального влияния, которое сцены насилия оказывают на зрителей через видеоигры, компьютерные игры и Интернет.

Создатели телевизионных программ и мультимедиа, испытывая все большее давление со стороны общественности и законодателей, пытаются редуцировать изображение сцен насилия, а также организуют *родительские консультативные комиссии* с целью недопущения демонстрации особенно жестокого насилия.

Исследователи, изучая влияние насилия и моделей, демонстрируемых масс-медиа, часто обращаются к работам Бандуры. В одной из недавних журнальных статей, посвященных социальным влияниям на детей, был показан субъективный характер влияния медианасилия (Funk et al., 1999). Это исследование фокусировалось на валидности систем оценивания насилия в видео- и компьютерных играх. Авторы выявили, что когда игры были *совершенно явно* переполнены сценами насилия или когда, напротив, таковые отсутствовали, люди, покупавшие их и пользующиеся ими, были согласны с коммерческими оценками насилия. Однако, по утверждению исследователей, «существуют значительные рас-

хождения в оценках насильственного содержания в играх карикатурно-пародийного или юмористического типа. Рекомендации должны учитывать оценки, даваемые потребителями, включая их в целостную систему оценивания, основанную на информации о содержании для всех развлекательных программ» (с. 283). Это заключение часто повторяется в связи с замешательством, возникающим у людей по поводу множества различных систем оценивания влияния фильмов, телешоу, видеоигр, музыкальных компакт-дисков и т. д.

Наконец, чтобы закончить на более оптимистической ноте, — исследование Бандуры по воспроизводству моделей агрессии упомянуто в статье, обсуждавшей программы, направленные на то, чтобы редуцировать агрессию в школах (Johnson and Johnson, 1996). Эти авторы показали, что когда учащиеся начальных и средних школ обучались способам разрешения конфликтов, то они становились способными к конструктивному, неагрессивному поведению в конфликтных ситуациях. Более того, когда другие учащиеся начинали имитировать поведение своих прошедших обучение сверстников, стало возникать меньше конфликтов, уменьшилось количество столкновений, требующих вмешательства со стороны учителей, и ситуаций, грозящих привести к агрессивному поведению.

Литература

- Bandura, A. (1965). Influence of models' reinforcement contingencies on the acquisition of imitative responses. *Journal of Personality and Social Psychology, 1*, 589–595.
- Bandura, A., Ross, D., & Ross, S. (1963). Imitation of film mediated aggressive models. *Journal of Abnormal and Social Psychology, 66*, 3–11.
- Funk, J., Flores, G., Buchman, D., & Germann, J. (1999). Rating electronic games: Violence in the eye of the beholder. *Youth and Society, 30*(3), 283–312.
- Hanratty, M. L., O'Neil, E., & Sulzer, J. (1972). The effect of frustration on the imitation of aggression. *Journal of Personality and Social Psychology, 21*, 30–34. <http://www.ship.edu/~cgboeree/bandura.html> (1998).
- Johnson, D., & Johnson, R. (1996). Conflict resolution and peer mediation programs in elementary and secondary schools. *Review of Educational Research, 66*(4), 459–506.